

Искусствоведение
History of Arts

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-210-231>

УДК 726.6.5.03

ББК 85.113(2) + 86.372.24-65

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. А. М. Салимов
г. Тверь, Россия

**ЦЕРКОВЬ СПАСА НА БОРУ
И СОБОР НИКОЛО-МАЛИЦКОГО МОНАСТЫРЯ:
КРЕМЛЕВСКИЙ ОБРАЗЕЦ ДЛЯ ТВЕРСКОГО ХРАМА**

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) и Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ) и при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 19-012-00025

Аннотация: В нескольких километрах от Твери находится Николо-Малицкий монастырь, основание которого связывают с XVI столетием. За время своего существования обитель пережила ряд кардинальных обновлений, произошедших в XVII, XVIII и начале XXI вв. Наиболее загадочный период в истории Малицкого монастыря приходится на последнюю четверть – конец XVII в., когда здесь было выстроено два каменных храма. Эти постройки были уничтожены в середине XVIII в. в процессе перестройки всего монастырского комплекса на средства Шуваловых, но среди сохранившихся документов есть Подрядная запись 1675 г., содержащая детальное описание предполагаемого к постройке собора Николо-Малицкого монастыря. Присутствуют в этом источнике и сведения о заказчике и мастерах, которые в итоге и выстроили этот храм. Наиболее примечательным фактом документа XVII в. является указание ктитора на образец, который должны были принять во внимание зодчие при строительстве тверского храма — собор Спаса на Бору в Московском Кремле. И судя по тому, как характеризуется будущая постройка в договоре, московский «протограф» действительно был повторен в середине 1670-х гг. в Николо-Малицком монастыре.

Ключевые слова: Тверь, Николо-Малицкий монастырь, церковь Спаса на Бору, древнерусское зодчество XVII в.

Информация об авторе: Алексей Маратович Салимов — доктор искусствоведения, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, главный научный сотрудник, Филиал ЦНИИП Минстроя России, Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, ул. Душинская, д. 9, 111024 г. Москва, Россия. E-mail: sampochta@mail.ru

Дата поступления статьи: 23.03.2020

Дата публикации: 28.09.2020

Для цитирования: Салимов А. М. Церковь Спаса на Бору и собор Николо-Малицкого монастыря: кремлевский образец для тверского храма // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57. С. 210–231. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-210-231>

К числу каменных построек второй половины XVII в., выстроенных в Твери и ее окрестностях, принадлежал когда-то и собор Николо-Малицкого монастыря. Располагавшаяся у западной окраины Твери обитель (ил. 1) практически полностью была разрушена во время Великой Отечественной войны [23, с. 173] — осталось лишь здание братского корпуса (ил. 2). Ее возрождение началось в 2008 г., и сегодня это прекрасный по своему облику ансамбль (ил. 3), который, правда, далек от тех архитектурных форм, что были свойственны ему до разрушения.

Иллюстрация 1 – «Вид тверского Николаевского Малицкого монастыря». Вид с северо-востока. Рисунок Е. Бестужева с гравюры Г. Соболева. 1847 г. ТГОМ. КОФ 3523
Figure 1 – “View of Tver Nikolaevsky Malitsky Monastery”. View from north-east. Drawing by E. Bestuzhev from the engraving of G. Sobolev. 1847. TGOM. KOF 3523

Иллюстрация 2 – Братский корпус Николо-Малицкого монастыря. XVIII–XIX вв. Вид с юго-запада. Фото Г. К. Смирнова. 2003 г. ГУ ГООКН ТО
Figure 2 – Brethren's building of Nikolo-Malitsky monastery. 18–19th centuries. View from south-west. Photo by G. K. Smirnov. 2003. GU GOOKN TO

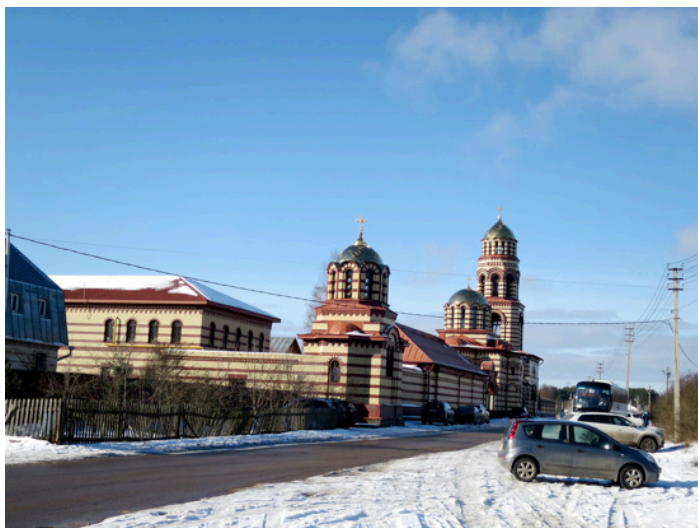

Иллюстрация 3 – Николо-Малицкий монастырь. Вид с северо-востока. Февраль 2020 г.
Figure 3 – Nikolo-Malitsky monastery. View from north-east. February, 2020

История Малицкого монастыря насчитывает несколько столетий. К числу первых исследователей обители следует отнести Ф. Виноградского и В. А. Преображенского. Печатная работа последнего появилась в 1855 г. [20], а труд Виноградского был опубликован в 1859 г. [2], хотя в Государственном архиве Тверской области (ГАТО) хранится рукопись «белого священника» Ф. М. Виноградского¹, посвященная истории Николо-Малицкого, которая была подготовлена им по заданию архиепископа Гавриила в 1851 г. (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 828. Л. 6). Тем не менее известно, что в 1839 г. по требованию Тверской духовной консистории В. А. Преображенский мог написать историческую справку по Малицкому монастырю (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 828. Л. 2).

Отметим, что оба исследователя относили основание монастыря к периоду правления царя Федора Иоанновича — сына Ивана Грозного [20, с. 5; 2, с. 13]. Эту же датировку (между 1584 и 1596 гг.), не ссылаясь на предшественников, повторил в 1863 г. протоиерей В. Ф. Владиславлев [3, с. 85]. В итоге она стала основополагающей и была принята как авторами начала XX в. [9, с. 605; 13, с. 3], так и исследователями советского² и постсоветского времени [25, с. 137], в том числе составителями Энциклопедического справочника Тверской области [24, с. 173], а также Каталога [17, с. 230] и Свода памятников архитектуры Тверской области [23, с. 546]. Тем не менее документы дают основание предполагать, что Малицкая обитель существовала уже как минимум в середине XVI столетия и была тесно связана с другим Никольским монастырем («над ручьем»), который в тот период находился в Заволжской части Твери, ориентировочно в том районе, где современная улица Благоева пересекается с набережной Афанасия Никитина [21, с. 259–278].

О том, что взаимосвязь тверского Никольского монастыря «над ручьем» с Никольским «монастырьком» на Новгородской дороге, проходившей недалеко от современной трассы Москва-Петербург, обозначилась уже в середине XVI в., свидетель-

¹ В 1851 г. автором рукописи значится «белый священник» Феодот Матвеевич Виноградский (ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 828. Л. 6), а в конце 1850-х гг. к изданию книга была подготовлена иеромонахом Феофилактом Виноградским.

² Цуккерман В. Сборник сведений о постройке различных зданий и сооружений в гор. Калинине (Твери). Ч. I. Дооктябрьский период. 1976 г. Машинопись // ГАТО. Ф. Р-2380. Оп. 1. Д. 6. Л. 54.

ствуют материалы дозорной книги 1551–1554 гг. Вероятно, во втором случае имелся в виду Николо-Малицкий монастырь, который действительно находился в 6–7 верстах от Твери на Новгородской (затем Петербургской) дороге. Оба Никольских монастыря (поставленные в дозорной книге 1551–1554 гг. один за другим) в середине XVI столетия владели деревнями и пустошами в волости Чаглово Тверского уезда. Им даже принадлежала одна деревня Зеленцыно [10, с. 272]. Вновь эта взаимосвязь опосредованно была отмечена писцовой книгой 1626 г. В источнике говорится о том, что в начале XVII в. иконы из обветшавшей Никольской церкви «на ручью» были «взяты к Николе Чудотворцу на Малицу» [7, с. 136].

Таким образом, предложенная идентификация Никольского «монастырька» на Новгородской дороге ставит под сомнение принятую до сих пор дату основания Николо-Малицкого монастыря — 1584–1598 гг. Правда, сомнения в правомерности такой датировки высказывались еще в последней четверти XIX в. Неизвестный автор в «Тверских епархиальных ведомостях» за 1887 г. предположил, ориентируясь на опубликованные к тому времени писцовые книги Тверского уезда XVI в. [17], что Малицкая обитель существовала еще в 1540 г. [25, с. 131].

Несмотря на неточное прочтение источника, в целом это предположение анонимного автора верно ориентирует нас на первую половину – середину XVI в., как время возможного основания Николо-Малицкого монастыря, поскольку другие Никольские монастыри неизвестны на Новгородской дороге в окрестностях Твери. И тот факт, что дозорная книга 1551–1554 гг. указывает на принадлежность загородного Никольского «монастырька» «царю и великому князю» [10, с. 273], позволяет предполагать, что не только в конце XVI – первой половине XVII вв.³, но и в более раннее время Малицкая обитель была отмечена внимание царствующих особ. Все это дает основание полагать, что благодаря великокняжескому патронату еще в первой половине XVI в. в нескольких верстах к западу от Твери возник Николо-Малицкий монастырь, который изначально мог рассматриваться как тесно связанная с расположенным в Заволжской части Твери Никольским монастырем «над ручьем» обитель. Вероятно, поэтому в начале XVII в. церковная утварь из ветшающей церкви Николы «на ручью» была передана в Николо-Малицкий монастырь.

К началу XVII в. (1613) относится и первое упоминание Малицкой обители в источниках, когда «строителю Феодосию с братией» были даны «на пищу <...> четыре пустоши — Рогачево, Карпово, Подъельшево и Княгинкино» [2, с. 14]. Позже, в 1627–1628 гг., эти пустоши и еще ряд земель были вновь отмечены в составе вотчины Малицкого монастыря. Правда, на этот раз составители писцовой книги ошибочно назвали его «Воздвиженским» [8, с. 117–118; 2, с. 14].

Принимая во внимание отсутствие каких-либо свидетельств о монастыре между второй половиной 20-х и серединой 70-х гг. XVII в., можно вслед за авторами, писавшими о Малицкой обители в середине XIX в., предполагать, что «убогое», но «безмятежное <...> состояние монастыря продолжалось до 1675 года» [20, с. 7]. Однако тот факт, что по крайней мере с начала 1670-х гг. настоятели этого монастыря находились в ранге игумена (а не строителя) [2, с. 17], дает основание допускать наличие здесь во второй половине XVII в. деревянного, но добротного по своему состоянию архитектурного комплекса.

³ Напомню, что основание обители «привязывают» к годам правления царя Федора Иоанновича (1584–1596), а в 1613 г. монастырь получил жалованную грамоту от царя Михаила Федоровича. Крупные средства в Малицу поступали от именитых бояр, дворян и архиереев [24, с. 131–142].

Положение Николо-Малицкого монастыря коренным образом изменилось в 1675 г., когда во время пожара «монастырь весь до тла сгорел». Уцелела только икона Николая Чудотворца, у которой лишь «задняя сторона доски обгорела» [20, с. 7]. В итоге уцелевший «святительский образ» стал стимулом для возрождения монастыря, «непререкаемым предзнаменованием, что обитель из пепла своего возстанет и процветет лучше прежнего» [2, с. 18]. Вероятно, именно это событие и привлекло в Малицкий монастырь стольника Григория Дмитриевича Овцына, который сделал «самое главное и необходимо нужное» для обители: он не только способствовал ее восстановлению, но и выделил средства для постройки здесь каменного соборного храма [20, с. 8]. Это сооружение перестало существовать еще в середине XVIII столетия в период массовой застройки монастыря каменными зданиями по инициативе Шуваловых [20, с. 16–17], поэтому архитектуру разобранного в послевоенные годы Спасского собора (ил. 4) нельзя рассматривать в рамках нашей темы. Наверное, для анализа его форм можно было бы использовать несохранившееся изображение монастыря, относящееся к 1677 г. [2, с. 1], однако действительно ли Ф. Виноградский видел рисунок (?) Николо-Малицкого монастыря, выполненный на следующий год после завершения строительства каменного Спасского собора, или он ошибся при датировке более позднего произведения (работой 1677 г. могла быть, вероятно, только икона), сказать что-либо определенное в настоящее время мы не можем. Тем не менее, благодаря сохранившейся подрядной записи 1675 г.⁴, у нас есть возможность в общих чертах реконструировать облик здания второй половины XVII в., которое, по всей видимости, находилось на том месте, где в 1750-е гг. был выстроен новый соборный храм или в непосредственной близости от него. Сегодня это незастроенная территория, на которой, вероятно, когда-то будет заново возведено главное сооружение Николо-Малицкого монастыря.

Иллюстрация 4 – Собор Николо-Малицкого монастыря. 1750-е гг. Вид с юго-запада.

Фото начала XX в. из коллекции А. С. Барина

Figure 4 – Cathedral of Nikolo-Malitsky monastery. 1750-es. View from south-west.

Photo of the early 20th century from A. S. Barinov's collection

⁴ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1. Перевод основной части текста Подрядной был выполнен в середине XX в. И. И. Соколовым (ГАТО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 12. Л. 50–50 об.; ГАТО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 57. С. 50–52). Финальную часть документа, где говорится о строительстве храма, перевели В. В. Данилов и А. М. Салимов.

Договор на строительство новой каменной с двумя приделами церкви Г. Д. Овцын заключил с крестьянами «Ярославского уезду Городского стану села Пономарева», принадлежавшими вдове князя Петра Александровича Репнина Аксинье Ивановне Репниной. Главой артели был Никита Дементьевич Белоглаз, но в подрядной указаны еще четверо его «товарищей»: Андрей Никитин сын, Григорий Михайлов сын Уха, Фатьян Петров сын и Василий Яковлев сын. В этом же документе говорится о том, что строительство каменного собора Малицкого монастыря началось 15 апреля 1676 г., когда «зачяли церковное дело строить ров копать и сваи бить» и, вероятно, был заложен фундамент. А 16 мая состоялся молебен по случаю начала строительства надземной части собора, и в этом же 1676 г., судя по фразе «да в сих трех престолех и церковь обложили», церковь была завершена (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Таким образом, зодчие выполнили свое обязательство перед заказчиком закончить строительство собора «в отделке и в мере сполна на срок во 184-м году на Покров Пресвятые Богородицы», т. е. к началу октября 1676 г. (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1).

В договоре не обозначено посвящение основного храма и его приделов, которые обязался выстроить Никита Белоглаз «с товарищи». Об этом мы узнаем из документа 1684 г., где эти наименования присутствуют. Источник свидетельствует о том, что в 1675 г. Г. Д. Овцыным была «основана <...> церковь каменная холодная во имя Всемистиваго Спаса <...> да церковь каменная же с трапезою теплая Николая Чудотворца, да предел каменный Пресвятыя Богородицы Одигитрии» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. 1684 г. Л. 1. Перевод этого документа был выполнен в середине XX в. И. И. Соколовым. См.: ГАТО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 12. Л. 51–51 об.). Эти же данные были подтверждены описью 1701–1702 гг. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.). Вышеназванные документы позволяют скорректировать выводы составителей Каталога и Свода памятников архитектуры Тверской области ошибочно полагающих, что в 1675–1676 гг. был выстроен не трехчастный соборный комплекс, включающий основной объем и два придела, а «каменные Спасский собор и одноглавая теплая Никольская церковь с Одигитриевским приделом» [23, с. 546; 17, с. 230].

В документе 1675 г. указаны основные компоненты объемно-пространственной композиции предполагаемого сооружения и его размеры: «делать нам ту церковь <...> без трапезы, длина той церкви и олтарю промеж стенами шесть сажень, олтарю длина две сажени, а церкви длина четыре сажени, а ширина церкви промеж стенами три сажени, а стены толщиною полтора аршина, а вышина той церкви от мосту до замка полчетверты сажени <...> одна глава у церкви проводная, а четыре главы на сводах глухие; с правой стороны у той церкви делать придел с малою церковью и вход, с левой стороны делать предел же, олтарю длина две сажени, а церковь длиною четыре сажени, а в ширину церковь трех сажень...» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Данные источника 1701–1702 гг. позволяют констатировать, что предполагаемые параметры были соблюдены при реализации проекта. Правда, в начале XVIII в. составители описи указали исключительно внешние размеры храма⁵, а в договоре 1675 г. есть и внутреннее, но в целом приведенные в обоих документах габариты вполне соотносимы друг с другом. При этом очевидно, что в 1701–1702 гг. основной объем соборного комплекса

⁵ «В Малицкой пустыне церковь каменная во имя Всемилостивого Спаса з двема пределами, длина той церкви с пределом Николая Чудотворца и с олтарем семь сажень с аршином, поперешники пол осмы сажени, вышина церкви и с пределом три сажени, предел Пресвятыя Богородицы Одигитрии мерою длина полчетверты сажени, поперешнику две сажени с полуаршином, вышина полтретья сажени...» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.).

обмерялся вместе с правым (южным — ?) Никольским приделом, поэтому в источнике дается их общая длина, которая вместе с алтарем (вероятно, имеются в виду апсиды основного объема и Никольского придела) составляла «семь сажень с аршином», т. е. 15,5–16 м (если считать сажень равной 2,13 м), а ширина («поперешники») — «пол осмы сажени» (порядка 16 м) (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.).

В целом та же длина присутствует и в проектном варианте середины 1670-х гг., поскольку длина «промеж стенами» в «шесть сажень» при толщине стен в «полтора аршина» дает общий размер в 7 сажень (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Правда, в подрядной 1675 г. вышеуказанная длина относится, похоже, только к основному объему, взятому вместе с апсидой, потому что ниже приведена «ширина церкви промеж стенами», равная трем сажням (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). В итоге, зная, что внутреннюю длину центрального четверика намеревались сделать равной четырем сажням⁶, то тогда получается, что площадь основного объема соборной церкви в проектном варианте должна была составить ориентировочно 5 x 4 сажени (10,5–11 x 8,5 м). С востока к нему примыкал одноапсидный (?) алтарь, вынос которого по отношению к четверику составлял порядка 5–5,5 м (2 сажени внутренний размер + 1,5 аршина толщина стены).

Согласно подрядной записи 1675 г. справа (с юга — ?) и слева (с севера — ?) к Спасской церкви должны были примкнуть два придела, но в договоре, похоже, указывается только площадь Никольского: «олтарю длина две сажени, а церковь длиною четыре сажени, а в ширину церковь трех сажень» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Конкретизирует габариты этого придела, а также Одигитриевского опись 1701–1702 гг., которая вкуче с проектными данными позволяет утверждать, что по длине правый Никольский придел был близок основному объему, а левый «малый» Одигитриевский храм значительно уступал им по площади, поскольку вместе с алтарем его длина составляла «полчетверты» (3,5) сажени, а ширина «две сажени с полуаршином» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.). Таким образом, если площадь Никольского придела (без алтаря) была приблизительно 5 x 3,5 сажени (10,5–11 x 7,5 м), то Одигитриевского — ориентировочно 2 x 2 сажени (ок. 4,5 x 4,5 м)⁷. Апсида левого придела, вероятно, также уступала по площади и, соответственно, по выносу (ок. 1,5 саж. – ок. 3,2 м) двум другим алтарям. Отчасти предложенную реконструкцию обобщенного композиционного решения соборного комплекса подтверждает чертеж-набросок, который был приложен к подрядной 1675 г., выполненный, вероятно, в процессе подготовки договора (ил. 5)⁸. Несмотря на схематизм этого документа, который к тому же демонстрирует нам странное сочетание плана здания с его трехкупольным завершением, размещенным на месте апсид, он с очевидностью свидетельствует о близости плановых габаритов основного объема и южного (вероятно, Никольского) придела. В свою очередь, несмотря на частичные утраты в рисунке северного придела, понятно, что автор чертежа хотел изобразить Одигитриевский придел меньшей по размерам пристройкой, чем южный придельный храм. В связи с этим рисунком следует также от-

⁶ В источнике обозначена длина алтаря — «две сажени», поэтому если вычесть из 6-ти сажень общей длины длину алтаря, то длина основного объема составит 4 сажени.

⁷ Поскольку приделы примыкали к основному объему, то одна из боковых стен каждого из приделов была, вероятно, стеной главного четверика.

⁸ ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1. О факте существования этого документа говорит в своей работе И. И. Соколов. Он же выполнил прорись «чертежа» второй половины XVII в. (Соколов И. И. Каменное зодчество в Твери в XVII веке. Машинопись // ГАТО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 57. Середина XX в. С. 27; ГАТО. Ф. Р-638. Оп. 1. Д. 12. Л. 50 об.)

метить, что алтарная часть северного придела, обозначенная здесь в качестве своеобразного купола, выведена практически на одну линию с центральным и северным алтарными элементами комплекса. А поскольку апсида этого «малого» храма показана уступающей по площади остальным двум, то, соответственно, и небольшой четверик северного придела изображен с большим выносом к востоку, чем основные объемы центрального храма и Никольского придела.

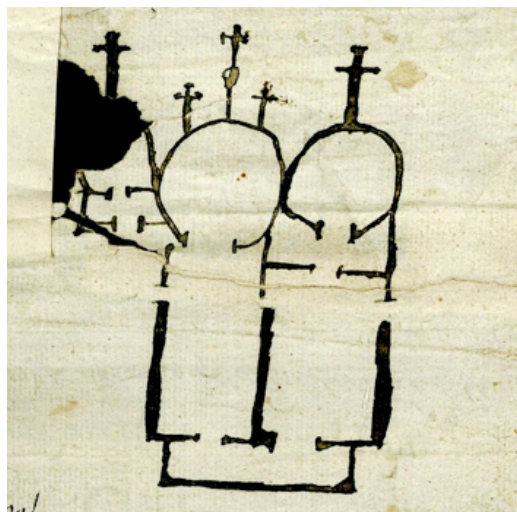

Иллюстрация 5 – Схематически исполненный проект собора Николо-Малицкого монастыря. 1675 г. ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1

Figure 5 – Schematic project of the cathedral of Nikolo-Malitsky monastery. 1675. GATO. F. 184. Op. 1. D. 4. 1675. L. 1

Добавлю, что и высота Спасской церкви и ее Никольского придела в начале XVIII в. была на полсажени (100–110 см) больше высоты Одигитриевского храма. В первом случае она составляла 3 сажени (ок. 6,5 м), во втором 2,5 сажени (ок. 5,5 м) (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.). Правда, изначально высота основного объема «от мосту до замка» (от пола до зенита свода) должна была составить 3,5 («полчетверты») сажени (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Тем не менее нельзя исключать и того, что в середине 1670-х гг. и в начале XVIII в. использовали разную сажень, поэтому в действительности реализованный габарит оказался равен проектному. А вот обозначенные источником 1675 г. высотные параметры Никольского придела могли относиться только к его срединной части. Отчасти этот вывод находит подтверждение в документе 1684 г., где у теплой церкви Николая Чудотворца фиксируется трапезная (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. 1684 г. Л. 1). Последняя могла быть одноэтажным сооружением, примыкающим к двухъярусному основному объему, т. е. композиционно Никольский придел Малицкого монастыря напоминал, по всей видимости, еще один придельный храм Николая Чудотворца, выстроенный несколькими годами позже в другом тверском монастыре — Савватьевском (ил. 6) [22, с. 32]. Даже по высоте они были одинаковы: и в Малице, и в Савватьево высота Никольских приделов достигала трех сажень. Правда, в Савватьево ядро соборного комплекса (Сретенский храм) было высотой пять сажень, а в Николо-Малицком монастыре опись начала XVIII в. фиксирует высоту основного объема Спасского собора (как и Никольского придела) равную трем сажням (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об., 134).

Иллюстрация 6 – Окрестности Твери. Храмовый комплекс села Савватьева в конце XIX в. Вид с северо-востока [22, с. 32]

Figure 6 – Surroundings of Tver. Church complex of Savvatjevo village in the late 19th century. View from north-east [22, p. 32]

Согласно подрядной записи основной четверик храмового комплекса в Малице должны были увенчать пятиглавием. При этом центральную главу предполагалось сделать «проводной», т. е. световой, а остальные четыре «глухими» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). О том, будут ли устроены главы над приделами, в договоре не говорится, но, по всей видимости, это подразумевалось, что и подтвердил документ 1684 г., где Никольский и Одигитриевские приделы названы одноглавыми пристройками к основному пятиглавому объему (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. 1684 г. Л. 1). В итоге во второй половине 1670-х гг. храмовый комплекс обители имел в венчающей части семь глав, при этом все пять куполов собора и два купола приделов вместе с крестами были «опяны листовым белым железом» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. 1684 г. Л. 1).

На рисунке середины 1670-х гг. показана общая для основного объема и Никольского придела западная паперть. Именно здесь — «над западными дверми на церковной стене» собирались «сделать колокольню каменную вышиною до главы четыре сажени» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Свидетельствующая о реализации этого замысла опись начала XVIII в., уточняет ряд ее параметров: «да к церкви на паперти приделана колокольня на столпах каменная, вышиная колокольне полпята сажени, длина полторы сажени, ширина тож» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.). Указание источника 1675 г. о постройке колокольни «над западными дверми» вроде бы увязывает колокольню с западным фасадом основного четверика, хотя, например, у выстроенного несколькими годами позже Сретенского собора Савватьева монастыря, колокольня примыкала к западному фасаду северного придела (ил. 6) [22, с. 30–31]. Однако если мы соотнесем колокольню Николо-Малицкого монастыря с южным Никольским приделом, то тогда откровенно безликим окажется западный фасад основного объема, поскольку мы должны будем лишиться его западного портала. А ведь именно «над западными дверми» собирались соорудить соборную колокольню в Малице. Следовательно, наиболее вероятен вариант, предполагающий размещение колокольни в связи с главным

четвериком соборного комплекса. При этом восточная стена колокольни, скорее всего, опиралась на западную стену четверика, а западная — на два столба, о существовании которых говорится в описи 1701–1702 гг. В конструктивное устройство первого яруса колокольни входили, очевидно, и подпружные арки, которые были переброшены от столбов на стену основного объема, и между столбами, поэтому служили опорами не только для западной стены колокольни, но и для северной, и для южной.

Судя по тому, как обозначена длина и ширина колокольни в источнике начала XVIII в., — «длина полторы сажени, ширина тож» (ок. 3,2 x 3,2 м) (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.) — получается, что квадратным был не только первый ярус колокольни, но и весь ее основной объем. При этом документ 1684 г. фиксирует у колокольни шатровое завершение (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. 1684 г. Л. 1), заставляя нас реконструировать этот «верх» в качестве шатра четырехгранной формы. Напомню, что на всю высоту квадратной в плане была колокольня созданного в те же 1670-е гг. собора Савватьева монастыря. Правда, колокольня в Савватьево, похоже, изначально венчалась главкой, поставленной на невысокий сомкнутый четырехлестковый свод (ил. 6) [22, с. 32–34, 80]. Допустимо, впрочем, предположить, что зафиксированные источником размеры колокольни Малицкого монастыря (длина и ширина) не относились к ее верхнему (третьему — ?) ярусу, который мог быть восьмигранным, и его, следовательно, перекрывал восьмигранный более распространенный в русском зодчестве второй половины – конца XVII в. шатер. Но этой версии противоречит тот факт, что высотные габариты савватьевской и малицкой колоколен близки: 5 сажень в первом случае и 4,5 — во втором (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об., 134). И если более высокая савватьевская колокольня являлась квадратным в плане пилонообразным объемом, то почему таким же обликом не обладать малицкой, вероятно, тоже трехъярусной колокольне.

Дополнительными элементами композиции храма, типологически близкими нижнему ярусу колокольни, были, по всей видимости, художественно решенные южное и северное крыльца, о намерении создать которые говорится в договоре 1675 г.: «двое дверей с рундуками с каменными столбами» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Надо полагать, что южное крыльцо должно было примкнуть к южному portalу Никольского придела, а вот северное могли устроить у северного портала основного четверика и одновременно вплотную к западному фасаду Одигитриевского придела, где мог быть сделан вход (западный) в северную придельную церковь. Отметим, что все три упомянутые выше дверных проема присутствуют на чертеже 1675 г. (ил. 5). В описи начала XVIII в. о крыльцах ничего не говорится, однако можно предположить, что таковые при создании монастырского собора были выстроены.

Весьма существенным условием, которое поставил перед зодчими Г. Д. Овцын, стало указание заказчика на то, чтобы вновь возводимый собор Николо-Малицкого монастыря своим обликом ориентировался на «церковь Преображенье Всемилоственного Спаса у великого Государя на дворце» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1). Отмечу, что церковь Спаса Преображения, или Спаса на Бору, стоявшая когда-то на территории великокняжеского (государева) двора в Московском Кремле, была разобрана в 1933 г. при реконструкции Большого Кремлевского дворца [7, с. 25–26], но к тому времени это было уже достаточно сложное по объемно-пространственной композиции и неоднократно перестроенное сооружение (ил. 7)⁹.

⁹ В середине XIX в. во время натурных исследований архитектор Ф. Ф. Рихтер выявил три строительных периода в истории храма [1, с. 233].

**Иллюстрация 7 – Московский Кремль. Собор Спаса Преображения на Бору
Вид с юго-запада. Гравюра XIX в. [12, с. 12]**
**Figure 7 – The Moscow Kremlin. Cathedral of Transfiguration “in the Woods”.
View from south-west. Engraving of the 19th century [12, p. 12]**

Начальной точкой отсчета в истории этого храма в качестве каменного здания является 1330 г., когда был построен собор кремлевского Спасо-Преображенского монастыря. В 1527 и 1554 гг. эта церковь перестраивалась, а в конце XVIII в. была заменена новой постройкой [5, с. 158], хотя П. Н. Максимов полагал, что «архитектор, производивший эту работу», постарался сделать точную копию разобранного храма, который к тому времени вобрал в себя многочисленные поздние напластования [14, с. 210]. Следовательно, даже рисунок конца XVIII в., по всей видимости, фиксирующий церковь Спаса на Бору еще до ее полной перестройки (ил. 8), сложно рассматривать в качестве возможного образца для собора Малицкого монастыря, созданного командой мастера Белоглаза.

**Иллюстрация 8 – Собор Спаса на Бору. Вид с юго-запада.
Картина конца XVIII в. [1, ил. 61]**
**Figure 8 – Cathedral of Transfiguration “in the Woods”. View from south-west.
Drawing of the late 18th century [1, fig. 61]**

Тем не менее существует еще несколько иконографических источников XVII – середины XVIII вв., которые позволяют наметить контуры этого московского памятника. Наиболее раннее изображение Спасского храма относится к началу 1600-х гг., когда он был запечатлен на широко известном плане-рисунке Московского Кремля «Кремле-наград» (ил. 9) [16, с. 270–271 и цветная обложка]. Надо полагать, что представленная на чертеже церковь — это результат кардинальной перестройки древнего храма (первой половины XIV в.) в первой половине – середине XVI столетия, возможно, с какими-то дополнениями, произведенными уже после 1550-х гг. Очевидно, что здание показано с восточной стороны, поэтому мы видим его алтарную часть. И хотя рисунок отличается определенной долей схематизма, в объемно-пространственной композиции храма фиксируется необычная для построек XVI в. черта, поскольку характер расположения трех более крупных глав дает основание считать, что восточный фасад четверика имеет четырехпрясельную организацию, а справа (с севера) к основному объему примыкает небольшой по размерам одноглавый придел. Хотя крайнее слева (с юга) прясло может быть соотнесено с приделом, и тогда тот факт, что левая апсида странным образом частично перекрывает два южных прясла (северную половину крайнего южного и южную половину второго с юга) можно считать ошибкой, допущенной рисовальщиком при изображении собора Спасского монастыря. В таком случае к числу недостатков может быть отнесено и местоположение южной главы, размещенной на стыке четверика и придела. В итоге в этом композиционном решении вычленяются основной объем и два одноглавых придела. Четверик при таком распределении глав, вполне можно считать двуглавым объемом, где малый барабан установлен над северо-восточным компартиментом. Кстати лишь две главы фиксируются у этого храма и на миниатюре конца XVII в. [11, с. 359]. И если предположить, что северный придел был незначительным по высоте сооружением, то тогда понятно, почему завершение этого придела не видно из-за крыши государевых палат. По этой же причине оказались, вероятно, не видны и другие малые главы этой постройки, а то, что они, скорее всего, существовали свидетельствует тот факт, что уже в 1635 г. церковь Спаса на Бору располагала 11 приделами [7, с. 19]. Наконец, более трех глав отмечает у этого храма и автор плана Москвы начала XVIII в. [11, с. 365]. В действительности их могло быть и больше, потому что пятиглавые в тот период основные соборы Московского Кремля (Успенский, Архангельский и Благовещенский) изображены на этом плане как четырехглавые сооружения. Но у Спасской церкви значительная часть глав венчала, по всей видимости, пристроенные к основному объему приделы. Следовательно, принимая за образец «церковь Преображение Всемилостивого Спаса у великого Государя на дворце», зодчие, работавшие в Николо-Малицком монастыре, ориентировались, возможно, не на венчающую композицию основного четверика московского храма, которая могла как двуглавой, так и одноглавой, а на общее количество «верхов» церкви Спаса на Бору. Не исключено, правда, что пятиглавое завершение собора Малицкого монастыря явилось следствием ориентации ярославских мастеров на широко распространенный в тот период в русском зодчестве тип венчающего композиционного решения.

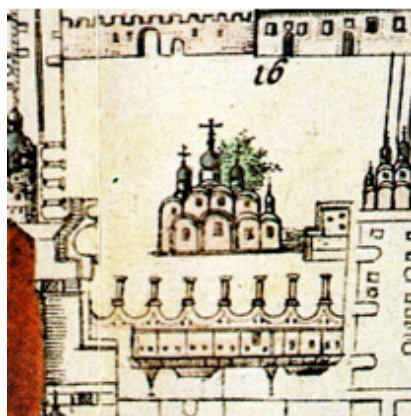

Иллюстрация 9 – Церковь Спаса на Бору на плане Московского Кремля «Кремленаград». Начало 1600-х гг. [16, цветная обложка]
 Figure 9 – Cathedral of Transfiguration “in the Woods” on the plan of Moscow Kremlin “Kremlenagrad” Early 1600-es [16, coloured cover]

В качестве «протографа» для малицкого храма выбиралась, на наш взгляд, и плановая структура московской церкви. Могу предположить, что эта ее черта была воспринята даже в большей степени, чем венчающие формы. Об этом свидетельствует не только гипотетическая реконструкция плана собора на XVI–XVII в. [11, с. 316], но и его план на чертеже середины XVIII в. (ил. 10) [16, с. 281]. Последний, как нам представляется, достаточно зримо свидетельствует о типологической близости тверской и московской церквей. В отличие от московского храма у малицкого собора отсутствовал притвор-трапезная, но вытянув по оси восток-запад основной объем тверского храма, ярославские зодчие подчеркнули продольную ориентацию собора Николо-Малицкого монастыря, которая отличала московскую постройку «на государевом дворе». Следуя отчасти за образцом, они не только обозначили доминирование продольного габарита над поперечным у Никольского придела, но и уравнили по длине «малый» храм с ядром соборного комплекса.

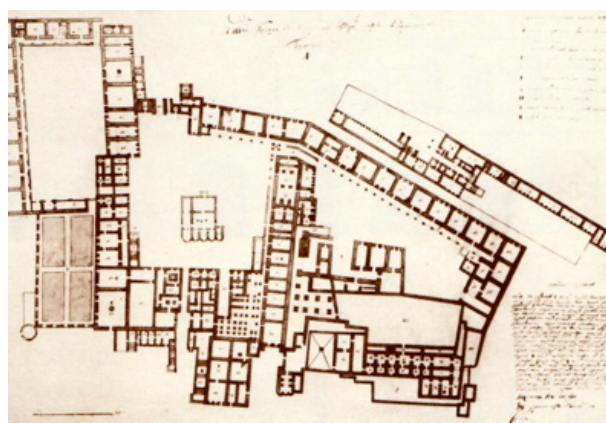

Иллюстрация 10 – План дворцового комплекса в Московском Кремле, выполненный на уровне подклета командой архитектора Д. В. Ухтомского. Копия середины XVIII в. [16, с. 281]
 Figure 10 – Plan of a palace complex in Moscow Kremlin made on the level of “podklet” by a command of architect D. V. Uckhtomsky. Copy of the middle of the 18th century [16, p. 281]

Особого рассмотрения заслуживает алтарная часть основного объема в Малице. Допускаю, что у тверского храма второй половины XVII в. она была одноапсидной, а не трехчастной. Тем не менее ориентация на «протограф» могла выразиться в создании одноапсидного, но трехлопастного алтаря (ил. 11). Таким образом, опосредованно повторялась трехапсидная алтарная часть главного четверика Спаса на Бору, и одновременно формировался лепестковый одноапсидный объем, который получил распространение в отечественной архитектуре второй половины – конца XVII в.

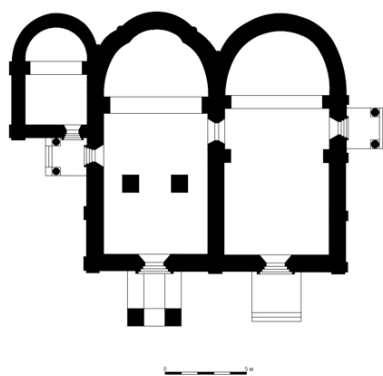

Иллюстрация 11 – Собор Николо-Малицкого монастыря. 1675–1676 гг. План. Реконструкция
Figure 11 – Cathedral of Nikolo-Malitsky monastery. 1675–1676. Plan. Reconstruction

Говоря о типологической близости московской и тверской построек, нельзя не отметить того факта, что «смонтированные» у восточных углов основного объема в Малице приделы повторяют не только плановую схему церкви Спаса на Бору, но и отсылают нас к композиционному принципу, характерному для целого ряда памятников древнерусского зодчества, выстроенных во второй половине – конце XVI в. Следовательно, в объемно-пространственном решении собора Николо-Малицкого монастыря, скорее всего, проявилась та самая консервативность формообразования, которая в определенной мере оказалась в стороне от новаторских тенденций в архитектуре второй половины XVII столетия.

В контексте обозначенной выше аналогичности лежит и двухстолпный наос четверика. У московской постройки он зафиксирован на плане середины XVIII в. (ил. 10), а у тверской — договором 1675 г., поскольку Никита Белоглаз «с товарищи» собирались делать «среди церкви два столба каменных на четыре угла в длину и ширину полтора аршина» (ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 4. 1675 г. Л. 1), т. е. сводчатая система тверского храма опиралась на стены четверика и два квадратных столба площадью 1 x 1 м.

Сложнее обстоит дело с реконструкцией фасадного убранства Спасского собора Николо-Малицкого монастыря, потому что все рассмотренные выше иконографические источники по церкви Спаса на Бору не содержат этой информации. Незначительный намек на возможность ступенчатой композиции (из нескольких рядов кокошников) в основании пятиглавого верха у малицкого храма вроде бы содержит рисунок начала 1600-х гг., изображающий собор Спаса на Бору (ил. 9), но отмеченная здесь повторяемость полуциркульных линий в венчающей части прясел может обозначать всего лишь архивольты закомар.

Вообще же рассматривать схематически изображенную в начале XVII в. постройку XVI столетия в качестве носителя тех декоративных форм, которые могли «прочитать» в Николо-Малицком монастыре, представляется нам малопродуктив-

ным занятием. В тверском храме могла быть отражена некоторая декоративная сдержанность, которая в целом отличает постройки XVI в. на фоне порой обильного узора каменных сооружений XVII столетия. Однако сегодня мы не можем ответить на вопрос, была ли эта особенность Спаса на Бору рекомендована мастерам, работавшим в Малицкой обители. К тому же неизвестно, насколько изменился облик московской церкви между началом XVII в. и серединой 1670-х гг. Поэтому можно лишь предполагать, что в тверском храме Никита Белоглаз «с товарищи» реализовали то понимание фасадного убранства, которое было присуще стилистике эпохи, в которую они творили, и тот арсенал декоративных форм, которым владели зодчие, приехавшие из ярославских земель, хотя заказчиком могли быть, к примеру, рекомендованы лаконичные по своему облику наличники.

Характерно, что архитектура ряда ярославских храмов 60-х–70-х и даже 80-х гг. XVII в. в определенной мере может быть рассмотрена как стилистически близкая региональным постройкам XVI столетия, поскольку архитектурные формы ярославских церквей обозначенного в рамках XVII в. периода, такие, к примеру, как Никольская в Меленках 1668–1672 гг., Спаса на Городу 1672 г., Николы Мокрого 1665–1672 гг., Федоровская 1682–1687 гг. или Введенский собор Толгского монастыря 1681–1688 гг., не имеют ступенчатой композиции в венчающей части основного объема. Их большие, как правило, не связанные со сводчатой конструкцией полуциркульные кокошники претендуют на статус закомар, а фасадные плоскости членят простого сечения лопатки. Ряд этих компонентов в культовых сооружениях Ростовского митрополического двора корреспондируется со стоящим рядом Успенским собором начала XVI в., в Борисоглебском монастыре (под Ростовом) они увязаны с собором этой обители, выстроенным в первой трети XVI в., а в ярославских храмах XVII в. прочитывается влияние архитектуры собора Спасо-Преображенского монастыря, созданного в первой четверти XVI столетия. Здесь оно вполне отчетливо обозначилось еще в первой четверти XVII в. (церковь Николы Надеина 1620–1622 гг.), сохранилось в постройках середины столетия (Рождества Христова, Ильи Пророка, Иоанна Златоуста в Коровниках) и получило продолжение в храмах второй половины XVII в. Таким образом, учитывая органичную для ярославских мастеров XVII столетия ориентацию на культовую архитектуру XVI в., можно предположить, что и в Николо-Малицком монастыре, следуя условиям заказа, они наделили соборный храм особенностями, типологически близкими зодчеству прошлого столетия, а конкретно — Спасскому собору на Бору, внешний облик которого мог сформироваться в первой половине – середине XVI в.

Возможно, наиболее зримым опознавательным знаком, предстательствующим в малицком храме за архитектуру XVII в., были наличники. Однако если принять во внимание достаточно лапидарный облик наличников Сретенского собора тверского Савватьева монастыря (ил. 12) [22, с. 34], выстроенного через несколько лет после каменного храма в Николо-Малицкой обители, то тогда не исключен и более сдержанный вариант для фасадного убранства Спасского собора Малицкого монастыря. Тем не менее, учитывая многочисленные ярославские аналоги, предположение о присутствии на фасадах этой постройки более развитых (чем в Савватьево) наличников не должно рассматриваться в качестве второстепенного. Особенно если принять во внимание тот факт, что за два года до начала строительных работ в Николо-Малицком монастыре в Ярославле была закончена пятиглавая церковь Дмитрия Солунского (1671–1673 гг. — ил. 13)¹⁰,

¹⁰ Ее боковые главы были утрачены в первой трети XIX в. [26, с. 108]. Ранее С. С. Попадюк отметил, что церковь Дмитрия Солунского — это один из немногих ярославских храмов, где «зодчие демонстрируют закомары в их конструктивном значении» [18, с. 75].

наделенная не только всеми вышеозначенными особенностями, но и двустолпным наосом, которым, по всей видимости, располагал и собор Николо-Малицкого монастыря. Правда, зная размеры тверского храма, можно предположить, что вряд ли его четверик имел поперечную ориентацию, т. е. был двухпрясельным по южному и северному фасадам. Да и организация фасадных плоскостей московского «протографа» была, вероятно, трехпрясельной.

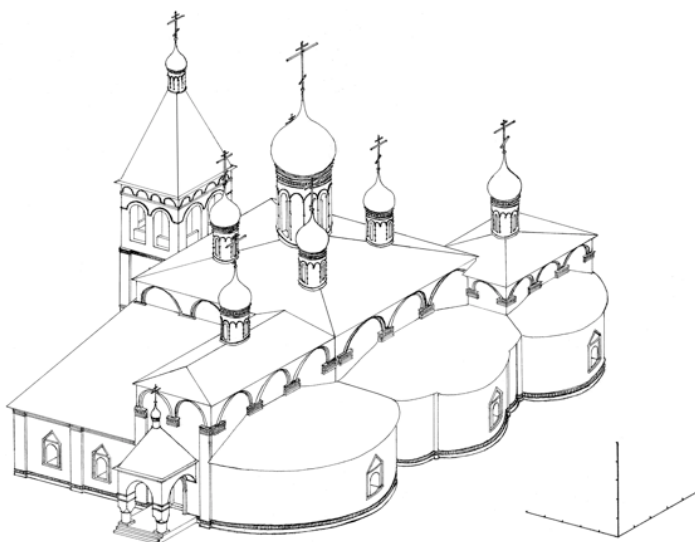

Иллюстрация 12 – Окрестности Твери. Храмовый комплекс села Савватьева в конце XIX в. Вид с запада [22, с. 34]
Figure 12 – Surroundings of Tver. Churches complex of Savvatjevo village in the late 19th century. View from north-east [22, p. 34]

Иллюстрация 13 – Ярославль. Церковь Дмитрия Солунского. 1671–1673 гг. Фото 2010-х гг.
Figure 13 – Yaroslavl. Church of Dmitry Solunsky. 1671–1673. Photo of the 2010s

Завершая краткий экскурс в ярославскую архитектуру XVII в., хотелось бы отметить, что, не располагая данными об авторстве Дмитровского храма, нельзя исключать и того, что при создании единственной двустолпной церкви XVII в. в Ярославле¹¹ могли быть задействованы зодчие, которые в середине 1670-х гг. строили двустолпный монастырский собор в окрестностях Твери (ил. 14).

**Иллюстрация 14 – Собор Николю-Малицкого монастыря. 1675–1676 гг.
Аксонометрия. Реконструкция
Figure 14 – Cathedral of Nikolo-Malitsky monastery. 1675–1676.
Axonometry. Reconstruction**

Неизвестно, участвовали ли эти мастера в создании других тверских храмов, но документ 1700–1701 гг. фиксирует в Николю-Малицкой обители еще одну каменную церковь — Покровскую. Источник отмечает размеры этого храма: «мерю длина четыре сажени и с олтарем, поперешнику три сажени, высота полторы сажени» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 46. 1701–1702 гг. Л. 133 об.), что дает основание предварительно реконструировать его в качестве небольшого одноапсидного сооружения с квадратным в плане четвериком (3 x 3 сажени — 6,5 x 6,5 м), перекрытым четырехскатной кровлей и увенчанной одной небольшой по размерам главкой.

Эта постройка появилась в монастыре не ранее 1684 г., поскольку относящийся к этому времени документ фиксирует в обители только одну каменную церковь — Всемилоуистого Спаса, возле которой («против предела Пресвятыя Богородицы Одигитрии») был погребен ее ктитору: Григорий Дмитриевич Овцын (ГАГО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8. 1684 г. Л. 1). Следовательно, строительство небольшого, вероятно, теплого храма нужно связывать с серединой 80-х – 90-ми гг. XVII в. Это событие вполне соотносимо с храмоздательной деятельностью в другом тверском пригородном монастыре — Савватьевском, где вторая каменная «малая» церковь появилась не позже первой половины 1680-х гг. [22, с. 23], т. е. несколько ранее или почти одновременно с созданием второго

¹¹ В качестве «единственного образца двустолпного храма в ярославском зодчестве XVII в.» называет церковь Дмитрия Солунского В. П. Выголов [26, с. 108]. Правда Н. А. Мерзлютина добавляет к этому списку еще несколько храмов Ярославской области [14, с. 19–21, 27].

каменного храма в Малицкой обители. Таким образом, к концу XVII в. в двух тверских загородных монастырях сложились архитектурные ансамбли, включающие несколько каменных построек: соборную церковь с приделами и колокольной и небольшой теплый храм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бусева-Давыдова И. Л. Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М.: Наука, 1997. 303 с.
- 2 Виноградский Ф. Описание Николаевского Малицкого монастыря. Тверь: Губернская тип., 1859. 101 с.
- 3 Владиславлев В. Ф. Краткие исторические сведения о монастырях и более замечательных церквах города Твери // Памятная книжка Тверской губернии на 1863 год. Тверь: [Б. и.], 1863. 118 с.
- 4 Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. II. 559 с.
- 5 Воронов А. А. Монастыри Московского Кремля. М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. 168 с.
- 6 Выпись из тверских Писцовых книг Потапа Нарбекова и подьячего Богдана Фадеева. 1626 год. Тверь: [Б. и.], 1901. 147 с.
- 7 Выпись из тверских писцовых книг письма и меры Федора Игнатьева да подьячего Тимофея Стефанова 135 и 136 (1627–1628) годов. Тверь: [Б. и.], 1916. Вып. 1. 141 с.
- 8 Добровольский И. Тверской епархиальный статистический сборник. Тверь: [Б. и.], 1901. 672 с.
- 9 Дозорная книга Тверского уезда 1551–54 гг. // Писцовые материалы Тверского уезда XVI в. М.: Древлехранилище, 2005. 760 с.
- 10 Древнерусское градостроительство X–XV веков / под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993. 392 с.
- 11 Кудрявцев М. П. Москва — третий Рим. М.: Сол-Систем, 1994. 256 с.
- 12 Ливотов Е. В. Вклады гр. Шуваловых в Николо-Малицкий монастырь. Тверь: [Б. и.], 1907. 17 с.
- 13 Максимов П. Н. К характеристике памятников московского зодчества XIV–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Наука, 1949. № 12. 308 с.
- 14 Мерзлютина Н. А. Двустолпные церкви Ярославской области: к вопросу о развитии типа в Верхнем Поволжье в XVII–XVIII веках // Архитектурное наследство. СПб.: Коло, 2018. Вып. 69. 262 с.
- 15 Памятники архитектуры Москвы: Кремль, Китай-город, центральные площади. М.: Искусство, 1982. 504 с.
- 16 Памятники архитектуры Тверской области / сост. Г. К. Смирнов. Тверь: ЗАО «Литера-М», 2000. Кн. 1. 260 с.
- 17 Писцовые книги Московского государства / под ред. Н. В. Калачова. СПб.: Изд. Императорского русского географического общества, 1877. 1598 с.
- 18 Попадюк С. С. Архитектурные формы «холодных» храмов «ярославской школы» // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.: Наука, 1983. 280 с.
- 19 [Преображенский В. А.] Историческая записка о тверском Николаевском Малицком монастыре. Тверь: [Б. и.], 1855. 44 с.

- 20 Салимов А. М. Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XII–XVI века. Тверь: Изд-во ГАСК, 2015. Т. I. 504 с.
- 21 Салимов А. М., Данилов В. В., Романова Е. А., Зиновьев А. В. Сретенский собор тверского монастыря Савватьева пустынь: история, архитектура и археология. Тверь: Издатель Алексей Ушаков, 2018. 228 с.
- 22 Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Тверская область / отв. ред. Г. К. Смирнов. М.: Наука, 2002. Ч. 1. 816 с.
- 23 Тверская область. Энциклопедический справочник / сост. М. А. Ильин. Тверь: Тверское областное книжно-журнальное изд-во, 1994. 328 с.
- 24 Торжественное перенесение чудотворной иконы святителя Николая из Малицкого монастыря в г. Тверь и обратно // Тверские епархиальные ведомости. 1887. № 5. С. 271–275.
- 25 Финкельштейн В. Летопись Твери. Тверь: РИФ Лтд, 1996. 528 с.
- 26 Ярославль. Памятники архитектуры и искусства / сост. В. П. Выголов. М.: Сов. Россия, 1985. 328 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

ГУ ГООКН ТО — Главное управление государственной охраны объектов культурного наследия Тверской области.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.

ТГОМ — Тверской государственный объединённый музей.

© 2020. Aleksey M. Salimov
Tver, Russia

THE CHURCH OF SAVIOUR IN THE WOODS AND THE CATHEDRAL OF NIKOLA-MALITSKY MONASTERY: THE KREMLIN MODEL FOR TVER TEMPLE

Acknowledgments: The research is carried out under The Programme of Fundamental Scientific Researches of Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (RAASN) and Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (NIITIAG), branch of the Central Institute for Research and Design (CNIIP) of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation *вставить* and with the financial support of the RFBR according to the project 19-012-00025.

Abstract: Nikolo-Malitsky monastery is situated in a few kilometers from Tver and is traditionally thought to be founded in the 16th century. During its existence the monastery saw several cardinal renovations in the 17th, 18th centuries and in the early 21st century. The most enigmatic period in the history of Malitsky monastery was in the late 17th century when two stone temples were built there. Those constructions were demolished in the middle of the 18th century during the rebuilding of the whole monastery complex funded by the Shuvalovs. But among the preserved documents there is a contract of 1675 which contains a detailed description of the cathedral of Nikolo-Malitsky monastery expected to be built. Information about a purchaser and masters who built the temple

is also found in this source. The most significant fact mentioned in the document of the 17th century is the precept of a ktitor for the masters who had to take as a model for Tver church the cathedral of Saviour in the Woods in Kremlin. Judging by the characteristic of future construction given in the document the Moscow specimen was really repeated in the middle of 1670-es in Nikolo-Malitsky monastery.

Keywords: Tver, Nikolo-Malitsky monastery, church of Saviour in the Woods, ancient Russian architecture of the 17th century.

Information about author: Aleksey M. Salimov — DSc in Art, Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, Chief Research Officer, TSNIIP Branch of the Ministry of Construction of Russia, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Dushinskaya St., 9, 111024 Moscow, Russia. E-mail: sampochta@mail.ru

Received: March 23, 2020

Date of publication: September 28, 2020

For citation: Salimov A. M. The Church of Saviour in the Woods and the Cathedral of Nikola-Malitsky Monastery: the Kremlin model for Tver Temple. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 57, pp. 210–231. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-57-210-231>

REFERENCES

- 1 Buseva-Davydova I. L. *Khramy Moskovskogo Kremli: sviatyni i drevnosti* [Temples of the Moscow Kremlin: shrines and antiquities]. Moscow, Nauka Publ., 1997. 303 p. (In Russian)
- 2 Vinogradskii F. *Opisanie Nikolaevskago Malitskago monastyria* [Description Malitsky Nikolaev monastery]. Tver', Gubernskaia tipografiia Publ., 1859. 101 p. (In Russian)
- 3 Vladislavlev V. F. *Kratkie istoricheskie svedeniia o monastyriakh i bolee zamechatel'nykh tserkvakh goroda Tveri* [Brief historical information about the monasteries and the most remarkable churches of the city of Tver]. In: *Pamiatnaia knizhka Tverskoi gubernii na 1863 god* [Memorial book of the Tver province for 1863]. Tver', 1863. 118 p. (In Russian)
- 4 Voronin N. N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoi Rusi XII–XV vekov* [The architecture of North-Eastern Russia 12–15 centuries]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1962. Vol. II. 559 p. (In Russian)
- 5 Voronov A. A. *Monastyri Moskovskogo Kremli* [Monasteries of the Moscow Kremlin]. Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2009. 168 p. (In Russian)
- 6 *Vypis' iz tverskikh pistsovykh knig Potapa Narbekova i pod"iachego Bogdana Fadeeva. 1626 god* [Extract from the Tver Scribal books of Potap Narbekov and consignatory Bogdan Fadeev. 1626]. Tver', 1901. 147 p. (In Russian)
- 7 *Vypis' iz tverskikh pistsovykh knig pis'ma i mery Fedora Ignat'eva da pod"iachego Timofeia Stefanova 135 i 136 (1627–1628) godov* [Extract from the Tver scribal books letters and measures of Fyodor Ignatiev and podyachy Timofey Stefanov 135 and 136 (1627–1628) years]. Tver', 1916. Issue 1. 141 p. (In Russian)
- 8 Dobrovol'skii I. *Tverskoi eparkhial'nyi statisticheskii sbornik* [Tver diocesan statistical collection]. Tver', 1901. 672 p. (In Russian)
- 9 *Dozornaia kniga Tverskogo uezda 1551–54 gg.* [The watch book of the Tver uyezd 1551–54]. *Pistsovy materialy Tverskogo uezda XVI v.* [Scribal materials of the Tver uyezd 16 century]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2005. 760 p. (In Russian)

- 10 *Drevnerusskoe gradostroitel'stvo X–XV vekov* [Old Russian urban planning of the 10th–15th centuries], under the general edited by F. Gulianitskogo. Moscow, Stroizdat Publ., 1993. 392 p. (In Russian)
- 11 Kudriavtsev M. P. *Moskva — tretii Rim* [Moscow — the third Rome]. Moscow, Sol-Sistem Publ., 1994. 256 p. (In Russian)
- 12 Livotov E. V. *Vklady gr. Shuvalovykh v Nikolo-Malitskii monastyr'* [Contributions of the Shuvalovs to the Nikolo-Malitsky monastery]. Tver', 1907. 17 p. (In Russian)
- 13 Maksimov P. N. K kharakteristike pamiatnikov moskovskogo zodchestva XIV–XV vv. [On the characteristics of monuments of Moscow architecture of the 14th–15th centuries]. In: *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1949. No 12. 308 p. (In Russian)
- 14 Merzliutina N. A. Dvustolpnye tserkvi Iaroslavskoi oblasti: k voprosu o razvitii tipa v Verkhnem Povolzh'e v XVII–XVIII vekakh [Two-column churches of the Yaroslavl region: on the issue of development of the type in the Upper Volga region in the 17th–18th centuries]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2018. Vol. 69. 262 p. (In Russian)
- 15 *Pamiatniki arkhitektury Moskvy: Kreml', Kitai-gorod, tsentral'nye ploshchadi* [Architectural monuments of Moscow: Kremlin, Kitay-Gorod, Central squares]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1982. 504 p. (In Russian)
- 16 *Pamiatniki arkhitektury Tverskoi oblasti* [Monuments of architecture of the Tver region], collected by G. K. Smirnov. Tver', ZAO “Litera-M” Publ., 2000. Book 1. 260 p. (In Russian)
- 17 *Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva* [Scribe books of the Moscow state], edited by N. V. Kalachova. St. Petersburg, Izdanie Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva Publ., 1877. 1598 p. (In Russian)
- 18 Popadiuk S. S. Arkhitekturnye formy “kholodnykh” khramov “iaroslavskoi shkoly” [Architectural forms of “cold” temples of the “Yaroslavl school”]. In: *Pamiatniki russkoi arkhitektury i monumental'nogo iskusstva* [Monuments of Russian architecture and monumental art]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 280 p. (In Russian)
- 19 [Preobrazhenskii V. A.] *Istoricheskaiia zapiska o tverskom Nikolaevskom Malitskom monastyre* [Historical note about the Tver Nicholas Malitsky monastery]. Tver', 1855. 44 p. (In Russian)
- 20 Salimov A. M. *Srednevekovoie zodchestvo Tveri i priliezhashchikh zemel'. XII–XVI veka* [The medieval architecture of Tver and the surrounding lands. 12–16 centuries]. Tver', Izdatel'stvo GASK Publ., 2015. Vol. I. 504 p. (In Russian)
- 21 Salimov A. M., Danilov V. V., Romanova E. A., Zinov'ev A. V. *Sretenskii sobor tverskogo monastyria Savvat'eva pustyn': istoriia, arkhitektura i arkheologiia* [Presentation Cathedral of the Iversky monastery of Savvat'ev Pustyn: history, architecture and archeology]. Tver', Izdatel' Aleksei Ushakov Publ., 2018. 228 p. (In Russian)
- 22 *Svod pamiatnikov arkhitektury i monumental'nogo iskusstva Rossii. Tverskaia oblast'* [Arch of architectural monuments and monumental art of Russia. Tver region], responsible edited by G. K. Smirnov. Moscow, Nauka Publ., 2002. Book 1. 816 p. (In Russian)
- 23 *Tverskaia oblast'. Entsiklopedicheskii spravochnik* [Tver region. Encyclopedia reference], collected by M. A. Il'in. Tver', Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo Publ., 1994. 328 p. (In Russian)

- 24 Torzhestvennoe perenesenie chudotvornoi ikony sviatitelia Nikolaia iz Malitskago monastyria v g. Tver' i obratno [Solemn transfer of the miracle-working icon of Saint Nicholas from the Malitsky monastery to Tver and back]. In: *Tverskie eparkhial'nye vedomosti*, 1887, no 5, pp. 271–275. (In Russian)
- 25 Finkel'shtein V. *Letopis' Tveri* [The Chronicle of Tver]. Tver', RIF Ltd Publ., 1996. 528 p. (In Russian)
- 26 *Iaroslavl'. Pamiatniki arkhitektury i iskusstva* [Yaroslavl. Monuments of architecture and art], collected by V. P. Vygolov. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1985. 328 p. (In Russian)

LIST OF ABBREVIATIONS

GATO — State archive of the Tver region.

GU GOOKN TO — The main Department of state protection of cultural heritage objects of the Tver region.

RGADA — Russian state archive of ancient acts. Moscow.

TGOM — Tver State United Museum.